

Научная статья

УДК 342, 343

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК УСЛОВИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

**Мороз Олег, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, olegmoroz.fac@mail.ru**

Аннотация

Актуальность темы административной преюдиции, рассматриваемой в настоящей статье, подтверждается и мнениями, выражаемыми в научной литературе, и проблемным состоянием уголовного законодательства, а также законодательства об административных правонарушениях. Анализируя тему, автор раскрывает сущность преюдиции в её теоретико-правовом смысле, но с учётом норм действующего законодательства; обращается к Уголовному кодексу РФ, содержащему нормы, отражающие криминализацию отдельных административных правонарушений, в частности, в связи с их повторным совершением. В контексте криминализации рассматривается суть преступления, определяемая в ст. 14 Уголовного кодекса РФ, с учетом особенностей преступления, заключающегося в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. Основное внимание здесь обращается на признак общественной опасности, и автор пытается рассмотреть данный признак не только в рамках уголовного преступления, но и в рамках административного правонарушения. В процессе анализа отмечается попытка законодателя перенести свойства преступного деяния, выражающиеся в его общественной опасности, на саму личность. В этом смысле видится возврат к имевшей место ранее советской практике. Обсуждаются аргументы как в поддержку административной преюдиции, так и против неё. С учётом этого предлагаются изменения в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: административная ответственность, административная преюдиция, криминализация, общественная опасность, преступление, уголовная ответственность, управление транспортным средством в состоянии опьянения

Статья поступила в редакцию 26.06.2025, одобрена после рецензирования 23.08.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS A CONDITION FOR CRIMINALIZING DRIVING UNDER THE INFLUENCE OF ALCOHOL

**Aleh Maroz, Candidate of Law, Associate Professor, Belarusian State
University, Minsk, Belarus**

Abstract

The relevance of the topic of administrative prejudice discussed in this article is confirmed both by the opinions expressed in the scientific literature and by the problematic state of criminal legislation, as well as legislation on administrative offenses. Analyzing the topic, the author reveals the essence of prejudice in its theoretical and legal sense, but taking into account the norms of current legislation; refers to the Criminal Code of the Russian Federation, which contains norms reflecting the criminalization of certain administrative offenses, in particular, in connection with their repeated commission. In the context of criminalization, the essence of the crime defined in Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered, taking into account the specifics of the crime of driving while intoxicated. The main focus here is on the sign of public danger, and the author tries to consider this sign not only within the framework of a criminal offense, but also within the framework of an administrative offense. In the process of analysis, there is an attempt by the legislator to transfer the properties of a criminal act, expressed in its public danger, to the person himself. In this sense, we see a return to the Soviet practice that took place earlier.

Arguments are discussed both in support of and against the administrative prejudice. With this in mind, amendments to the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: administrative responsibility, administrative prejudice, criminalization, public danger, crime, criminal liability, driving while intoxicated

Введение

Административная преюдиция, существующая в рамках российского уголовного права и используемая в качестве инструмента криминализации деяний, вызывает острые дискуссии. И в этой связи уместно сказать о наличии двух принципиально различающихся подходов: сторонники первого из них расценивают административную преюдицию исключительно положительно, в то время как другие, напротив, видят в ней лишь отрицательные эффекты [12, с. 278]. Изложенное в полной мере справедливо и для такого деяния, как управление транспортным средством в состоянии опьянения. Это обстоятельство опосредует и научный интерес к избранной теме.

Соответственно, в рамках настоящей статьи ставится цель дать правовую оценку института административной преюдиции применительно к преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 264.1 УК РФ [1].

Основная часть

Ст. 264.1 в ч. 1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за управление автомобилем, трамваем либо иным механическим транспортным средством лицом, которое находится в состоянии опьянения и при этом было ранее подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. То есть наличие имевшего место ранее факта назначения административного наказания является ни чем иным, как административной преюдицией.

В данном случае не представляет интереса детализация состава рассматриваемого преступления, важен сам аспект преюдиции. И в этой связи следует раскрыть её сущность, учитывая не только законодательные положения, но и представленные в научной литературе взгляды.

Отмечается наличие большого разнообразия взглядов на явление административной преюдиции и отсутствие какой-либо позиции, которая бы поддерживалась абсолютным большинством. При этом наиболее распространёнными выступают четыре концепции административной преюдиции, в рамках которых она трактуется как:

- особый способ формулирования нормы уголовного закона (формально-юридический аспект);
- как инструмент криминализации либо декриминализации (социально-юридический аспект);
- как инструмент обеспечения взаимосвязи между уголовно-правовыми и административно-правовыми нормами (межотраслевой аспект);
- как инструмент предупреждения преступности (криминологический аспект) [10, с. 10].

Каждый из перечисленных аспектов имеет своё вполне убедительное обоснование, однако, в рамках настоящего исследования наиболее значимыми представляются аспекты криминализации и предупреждения. Думается, что законодатель именно на эти нюансы обращает особое внимание.

Если рассматривать административную преюдицию более конкретно, то она может трактоваться и в качестве криминообразующего признака состава преступления, состоящего в том, что статус гражданина, как административно наказанного лица, выступает обязательным условием признания его деяния уголовно наказуемым. Такой признак, безусловно, имеет объективно-субъективную природу [10, с. 10-11], поскольку, с одной стороны, он отражает характеристику личности, с другой - формальную её оценку.

Здесь законодатель обращает первоочередное внимание именно на личность, поскольку именно от оценки личности зависит и оценка деяния, а административное правонарушение признается преступлением именно ввиду того, что данная личность его совершает не в первый раз.

Х.А. Каландаришвили, анализируя преюдицию, подчёркивает, что она представляет собой законное предположение об истинности обстоятельств уже вступившего в силу приговора или иного судебного решения [7, с. 12]. Соответственно, применительно к рассматриваемому случаю факты, которые имели место ранее, касались совершенного административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ [3], в результате чего лицо было подвергнуто административному наказанию, сомнению не подлежат, во всяком случае, формально. Особенность здесь состоит в том, что, по сути, первую часть преступления образует правонарушение, признаваемое административным.

В литературе подчёркивается также деление преюдиции на общую и исключительную [7, с. 12-13], в рассматриваемом же случае имеет место именно особенная преюдиция. Некоторые ее вопросы применительно к ст. 264.1 УК РФ разъяснены Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 09.12.2008 № 25 [4] и на них уместно обратить особое внимание. Прежде всего, Пленум подчеркнул правомерность установления наличия опьянения лишь ограниченным перечнем способов, который недопустимо толковать расширительно. В частности, алкогольное опьянение устанавливается в ходе соответствующего освидетельствования.

Здесь принципиально важно подчеркнуть, что факт отказа лица от прохождения освидетельствования на состояние опьянения закон и суд приравнивают к наличию опьянения. То есть нельзя исключить ситуации, когда гражданин, не находясь в состоянии опьянения, по тем или иным причинам отказывается от прохождения освидетельствования и де-юре признается находящимся в состоянии опьянения, хотя де-факто в нём не находится.

Принципиально важно отметить и то, что сокрытие с места происшествия не исключает возможности признания гражданина виновным в рамках ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, если после задержания он будет освидетельствован и установлен факт его опьянения.

Сам вопрос привлечения гражданина к ответственности по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ решается при условии, что именно на момент совершения деяния он являлся наказанным в административном порядке за соответствующие правонарушения. В этой связи следует обратиться к ст. 4.6 КоАП РФ, устанавливающей годичный срок, в течение которого субъект рассматривается как подвергнутый административному наказанию. Причём срок отсчитывается со дня, когда соответствующее постановление вступило в законную силу. С учётом этого Пленум Верховного Суда в анализируемом Постановлении уточнил ряд обстоятельств, которые принципиально важно выяснять при разрешении вопроса о привлечении субъекта к уголовной ответственности. Среди них выделим факт вступления постановления о назначении наказания в силу, факт его пересмотра, факт его исполнения или прекращения. Все эти обстоятельства подлежат обязательному выяснению для решения вопроса о наличии или отсутствии преюдициальных фактов.

Стоит сказать, что перед Конституционным Судом РФ уже ставился вопрос о соответствии ст. 264.1 УК РФ конституционным нормам, в частности, ст. 54, причём именно в контексте установления преюдиции, и в этом каких-либо противоречий выявлено не было. Более того, указанный орган конституционного правосудия подчеркнул, что в любом случае имеет место установление ответственности лишь за общественно опасное деяние [5].

В науке ведутся дискуссии относительно того, что же в действительности представляет общественную опасность с позиции законодателя, когда он устанавливает административную преюдицию, ведь фактически деяние квалифицируется именно исходя из предшествовавшего поведения гражданина, и именно с учётом наличия факта его привлечения к административной

ответственности. То есть одно и то же деяние, совершенное, например, двумя гражданами, один из которых ранее привлекался к административной ответственности за аналогичное деяние, а другой не привлекался, будет квалифицироваться по-разному именно в аспекте общественной опасности и оценки преступности. В деянии повторно совершившего нарушение будет усмотрена общественная опасность, в деянии же впервые совершившего нарушение общественная опасность де-юре усмотрена не будет, так как признаком общественной опасности формально обладает исключительно преступление, предусмотренное УК РФ.

Надо сказать, что в советском праве преюдиция имела место быть, однако. принятие УК РФ в 1996 г. ознаменовало отказ от данного института, по крайней мере применительно к уголовному праву. Более того, имел место и отказ от такого понятия, как «особо опасный рецидивист», то есть фактически признак опасности был перенесён с личности на деяние, что принципиально важно. Введение же административной преюдиции стало подтверждением того, что взгляд на личность, как источник опасности, вновь стал поддерживаться. В этой связи в литературе высказывается мнение о том, что теория опасного состояния личности вновь возрождается [8, с. 51].

В контексте изложенного нельзя не обратить внимание на ст. 14 УК РФ, где именно признак общественной опасности выделяется в качестве ключевой особенности преступления. В случае же применения административной преюдиции акцент делается на общественной опасности не самого деяния, а именно личности.

Примечательно, что в 2021 г. Конституционный Суд РФ обратил внимание на типовую оценку общественной опасности как критерий для криминализации деяния [6]. И в целом такой подход представляется верным. Однако личность не способна на эту оценку повлиять, если учесть, что любое деяние надлежит квалифицировать вне зависимости от конкретной личности. В связи с этим высказывается мнение о недопустимости учёта обстоятельств, которые

характеризуют личность, при решении вопроса об уголовной ответственности [8, с. 52]. Применение же законодателем института административной преюдиции отражает совершенно иной взгляд.

Обоснованно отмечается, что административное правонарушение в связи с популяризацией института административной преюдиции приобретает принципиально иное качество [12, с. 284]. Причём идеи административной преюдиции становятся популярны не только в науке, но и в практике законодательства [11, с. 17]. Она зачастую расценивается в качестве дополнительного инструмента противодействия преступности [13, с. 42].

Сущность преюдиции, по мнению А.О. Лактюхина, заключается именно в переоценке правоприменителем уровня общественной опасности деяния, что и становится основанием для фактического перевода административно-правовых отношений в категорию уголовно-правовых именно ввиду неоднократности совершения деяния [9, с. 143].

Признавая обоснованность, можно добавить, что общественная опасность деяний пересматривается не только правоприменителем, но и самим законодателем, который трактует совершенное впервые нарушение как административное правонарушение, а повторно совершенное - как уголовно наказуемое преступление.

В литературе нередко само использование административной преюдиции крайне жёстко критикуется, в том числе в диссертационных работах. Отмечается, в частности, отсутствие единообразия в конструировании соответствующих норм УК РФ. Более того, высказываются идеи относительно того, что уголовную ответственность должно влечь совершение аналогичных административных правонарушений более трех раз в течение одного года [10, с. 12].

Такая идея высказывается вне контекста конкретных деяний, и она может рассматриваться как оправданная в целом. Но есть ли смысл исключать уголовную ответственность применительно к тем случаям, когда гражданин во

второй раз в течение одного года управлял транспортным средством в состоянии опьянения? Думается, что нет.

Более того, вполне уместной была бы и постанова перед законодателем вопроса о введении уголовной ответственности уже за первый факт управления транспортным средством в состоянии опьянения. Хотя, как мы полагаем, законодатель такой взгляд не поддержит, особенно учитывая тенденцию на гуманизацию уголовного законодательства.

Заслуживает внимания и иная, весьма интересная точка зрения. С.Л. Нудель полагает, что введению уголовной ответственности должно предшествовать введение административной ответственности. Такой взгляд обосновывается тем, что криминализации должны подлежать деяния не только при условии их общественной опасности, но и при условии, когда привлечение к административной ответственности не позволяет их предупредить. В связи с этим указанный автор подчёркивает, что в России вопросы эффективности или неэффективности норм об административной ответственности на основе реальных данных не изучаются [11, с. 19].

Учитывая данное мнение, вряд ли можно поставить под сомнение обоснованность установления уголовной ответственности за управление транспортом в состоянии опьянения. Более того, административная преюдиция не позволяет в полной мере предупредить все случаи повторного совершения рассматриваемого деяния. Соответственно, уместным будет вопрос о целесообразности сохранения именно административной ответственности за управление транспортом в состоянии опьянения. И вряд ли можно усомниться в том, что приступая к управлению транспортным средством, гражданин подвергает опасности не только себя, но и окружающих. Это однозначно опасное деяние, но из соображений гуманности законодатель не позволяет его привлекать к уголовной ответственности именно за первый факт.

Заключение

Вопрос административной преюдиции остаётся спорным применительно к

деянию, предусмотренному ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. У автора нет сомнений в том, что любое управление транспортным средством в состоянии опьянения представляет общественную опасность, законодатель же, устанавливая административную преюдицию, в данном случае де-юре такую опасность отрицает применительно к впервые совершенному деянию. То есть прослеживается противоречие в принципиально различной оценке одного и того же деяния, совершенного впервые и повторно.

С учётом изложенного перед законодателем уместно поставить вопрос об отмене административной преюдиции в рамках ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. В таком случае диспозиция нормы может быть сформулирована в следующем виде:

«1. Управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, -».

При реализации данного решения должны быть признаны утратившими силу и нормы КоАП РФ, устанавливающие ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения впервые.

Возможно, в этом случае также следует повысить требования к процедуре доказывания самого факта наличия опьянения в целях избежания различных злоупотреблений при разрешении процессуальных вопросов привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 264 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1410-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П // СПС «КонсультантПлюс».
7. Каландаришвили Х.А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2021. 204 с.
8. Корнеева А.В. Уголовная и административная преюдиция - возврат к теории опасного состояния личности? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 46-53.
9. Лактюхин А.О. Сущность административной преюдиции как правового явления // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 11. С. 135–145.
10. Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Краснодар, 2022. 30 с.
11. Нудель С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 5-22.
12. Соловьев О.Г., Грузинская Е.И. Юридикто-технические погрешности при превращении административного проступка в преступление // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 7-1. С. 277-288.
13. Шамсумова Э.Ф., Смирнов С.А. Эволюция понятия «преюдиция» в российском праве // Российское право онлайн. 2023. № 3. С. 37-43.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».
2. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 09.12.2008 № 25 // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.06.2017 № 1410-O // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.05.2021 № 21-P // SPS «Konsul`tantPlyus».
7. Kalendarishvili X.A. Prezumpciya, preyudiciya i fikciya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. Irkutsk, 2021. 204 s.
8. Korneeva A.V. Ugolovnaya i administrativnaya preyudiciya - vozvrat k teorii opasnogo sostoyaniya lichnosti? // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. 2023. № 1. S. 46-53.
9. Laktyuxin A.O. Sushhnost` administrativnoj preyudicii kak pravovogo yavleniya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. T. 18, № 11. S. 135–145.
10. Mamxyagov Z.Z. Administrativnaya preyudiciya v ugolovnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk Krasnodar, 2022. 30 s.
11. Nudel` S.L. Modernizaciya ugolovnoj politiki: problemy` pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27. № 1. S. 5-22.
12. Solov`ev O.G., Gruzinskaya E.I. Yuridiko-texnicheskie pogreshnosti pri prevrashhenii administrativnogo prostupka v prestuplenie // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 7-1. S. 277-288.
13. Shamsumova E`.F., Smirnov S.A. E`volyuciya ponyatiya «preyudiciya» v rossijskom prave // Rossijskoe pravo onlajn. 2023. № 3. S. 37-43.